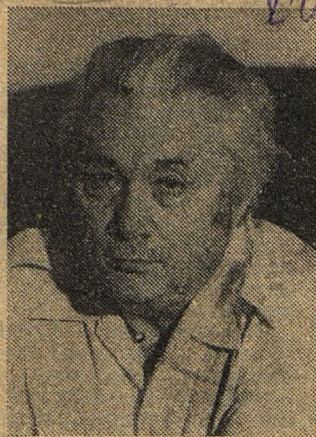


21 МАЯ 1961

Юрий НАГИБИН:

Рассказу не изменю



Разговор с одним из лучших наших рассказчиков и начался с «малой прозы». Несколько лет уже на страницах литературных газет и журналов ведется о ее судьбе спор. Даже тонкие журналы и еженедельные газеты давно с большей симпатией относятся к повестям и романам, публикуют их чаще, чем рассказы.

— Юрий Маркович, как-то, по вашему мнению, будущее рассказа?

— Рассказов появляется много, разных и часто интересных по содержанию и форме. Но они не делают, так сказать, погоды в нынешней литературе. Вообще с распространением кино, телевидения и радио литературе стало труднее. Но если человек и выкрикивает для нее время и внимание, то хочет уж погрузиться всерьез, надолго, прожить жизнь или значительный ее отрезок в определенной атмосфере, с определенными героями...

Это парадокс, казалось бы, при современном темпе жизни, в могучем потоке, водовороте информации. Рассказ или небольшая повесть требуют от читателя куда больше трудолюбия, активного и, если хотите, творческого мышления, чуткости...

Но корни русского, в частности, рассказа, новеллы столь глубоки, что я верю в него. Он будет развиваться до каких угодно пределов, менять обличье, даже принципы некоторые, но будет жить. В ближайшие годы, думаю, рассказ станет более лаконичным, будет тяготеть к чеховской краткости и строгой избирательности.

— И вам никогда не хотелось написать роман?

— Нет. Недавно распечатал не на шутку — сто пятьдесят страниц. Это предел. Теперь, думаю, поджать кое-где нужно...

— Это что, повесть?

— Да, «Повторение». Но над ней еще предстоит потрудиться. По форме, можно сказать, она для меня необычна. Действие, происходящее в наши дни, перемежается по-

вестованием о временах Ивана Грозного. Неразрывность истории, истоки и их продолжение, развитие...

— Чем же все-таки объяснить эту вашу многолетнюю верность малой прозе?

— Жизнь идет, рождаются все новые и новые сюжеты — и у меня они всегда умещаются в рамках рассказа, реже — небольшой повести. Уже давно пытаюсь это объяснить... Я неплохо бегал стометровку в юности. На футбольном поле был не из последних, но хватало меня лишь на первый тайм. Быстрее всех чистопрудных велосипедистов пронесился вдоль ограды бульвара, но во время дальних путешествий тащился всегда в хвосте, позади девчонок. У меня короткое дыхание, и сердце никогда не было выносливым. Но на вспыхну хватало. Во всем, за что бы ни брался. То же в прозе. Я не способен на долгое, медленное горение.

— Вы как-то говорили, что на вас большое влияние оказал Андрей Платонов, один из лучших наших рассказчиков...

— Андрею Платонову я много лет пытался подражать. Сам Андрей Платонович об этом знал. «Какой я учитель?» — говорил. — У меня учиться нельзя. Как стал на меня похожим, так и сгнил». Я хоть и оценил совет, но избавиться от заразительнейшего обаяния платоновского видения мира, его образов, интонации не мог долго.

— Что еще помогло услышать свой голос вам, когда вы становились писателем? В чем была основная трудность?

— Язык — и не только потому, что давил Платонов. Не менее «страшны» были Лесков, Пруст, Бунин... Даже не будучи профессионалом, можно понять, как легко утонуть в замечательно чистой языковой гармонии Ивана Алексеевича Бунина. Чтобы найти, выработать свой язык, необходимо уметь слушать прежде всего себя, то, чем рука твоя заполняет бумагу, постоянно проверять себя... А слушать себя, найти себя в литературе помогает искусство — архитектура, живопись, музыка... Основные законы — одни. Но в искусстве они более явственны, что ли. Я, к сожалению, начисто лишен музыкального слуха. Но с раннего детства люблю музыку. Я всегда в ней слышал и понимал чистоту, непосредственность передачи человеческих чувств... Лемешев, романсы Чайковского открыли мне мелодию. С годами музыка стала необходимой частью моей жизни. И мелодичные произведения,

и даже сложные, симфонические. Бетховен, Шуберт, Бах, Гендель...

Детство и юность мои связаны с Музеем изобразительных искусств имени Пушкина. До сих пор с ума схожу от неразгаданности, неземной глубины Леонардо да Винчи, Рембрандта. Всю жизнь влюблен в импрессионистов. За границей, если в каком-нибудь музее есть их работы, прежде всего иду наслаждаться ими. Архитекторы — Росси, Кваренги... Непреходящая гармония, ритм, созвучный ритму истории, ритму облаков и жизни многих поколений людей... От всего этого богатства человеческого духа нельзя отрывать литературу вообще и, конечно, литературные университеты.

— Какова роль памяти в писательской профессии?

— Очень большая, возможно, главная. Причем писателю нужна не специальная — шахматная, музыкальная, математическая и так далее, а универсальная память. Он должен помнить, как хрустел снег, чем пахло на кухне и с какой «интонацией» скрипела дверь... При чем фантазия здесь не поможет. Не будет достоверности, которой всегда отличался русский, в частности, рассказ. Можно наугад открыть любую страницу Чехова, Бунина, Платонова — работы, усилий памяти не чувствуется, но они велики в каждой детали, даже мельчайшей.

— И память о детстве...

Бунин, кстати, в своем замечательном очерке «Освобождение Толстого» много размышляет о необходимости писателю памяти детства — тончайших звуков, запахов, цветов, ощущений... Мы привыкли к тому, что писатель в определенную пору своего творчества как бы останавливается, чтобы осмыслить пройденное, и на какое-то время детские образы, впечатления вытесняют остальные. Потом они уже к детству возвращаются редко. Вы же чуть ли не с первых своих рассказов и до сего времени нет-нет, да и напомните читателю о доверенных Чистых пудах, о Покровке, о звоне трамваев и коньков, привязанных к валенкам, о добрых людях, «которые не дадут тебе пропасть». Тема детства — ваша постоянная тема.

— Верно, но я в этом смысле не исключение. Виктор Астафьев, например, писал свой «Последний поклон» около двадцати лет. Из всех «гнезд», в которые критики любят собирать мои рассказы, «гнездо» детства, пожалуй, самое большое. Не знаю, будет ли оно еще увеличиваться... Думаю, будет.

Удивляюсь тем писателям, которые обошли эту замечательную тему — самый свежий, чистый, животворный источник... Впрочем, жизнь нашего поколения сложилась так, что не у всех он вообще был, этот источник.

— В повести «Один на один» вы пишете о своем непростом отношении к Э. Хемингуэю, рассказы которого так непохожи на русскую прозу. Какую роль в вашем творчестве сыграл этот замечательный писатель?

— Мое отношение к американцу с течением времени менялось. Поначалу — очарование. Хемингуэй сделал меня рыбаком и охотником, причем страстным. Во многом ему я обязан своими охотничьими рассказами. Но в охоте я разочаровался, лет семь назад застрелив последнего вальдшнепа. Мне показалось вдруг, что он понял — его застрелил человек. Вообще охота сейчас, когда так мало на земле осталось птиц, зверей, видится мне пустым, преступным ухарством. В какое-то время — возможно, это было связано с охотой — разочаровался я и в Хемингуэе. Устал, что ли, от его постоянного стремления убеждать, доказывать всем на свете свою мужественность, бесстрашие перед кровью. Я начал с ним заочно ратоборствовать. По существу, изживать в себе. И когда преуспел в этом, стал вновь относиться с огромным уважением. Я благодарен великому американскому прозаику. Многие восхищаются меня в его творческом методе: лаконизм, верность правде, любовь к простым хорошим людям. Некоторые восприняли мою небольшую повесть «Один на один» как антихемингуэевскую. Нет, это не так. С любовью и преклонением перед автором «Фиесты», великолепных рассказов, романов «Прощай, оружие!» и «По ком звонит колокол» пытался я разобраться в одной из сторон его сложного характера, пытался понять его настроение незадолго до трагического конца.

— Вы часто бываете за границей и впечатлениями от поездок всегда делитесь с читателями на страницах газет и журналов. Италия, Индия, Франция, Ангولا, Венгрия, Финляндия... Но это не путевые очерки. Скорее, тоже сюжетные рассказы на фактическом материале.

— Да, чаще всего мне скучно просто описывать то, что я видел слева, справа, позади себя и перед собой. Гораздо интереснее найти, выбрать типичные национальные характеры, черты, построить сюжет — хотя, по-

нятно, не всегда это получается.

— Вы регулярно пишете?

— Стараюсь. Живу в Подмосковье, на берегу реки Десны. Там тихо, замечательный лес, хорошо чувствуешь, как одно время года сменяет другое, вечер сменяет день...

— Есть ли у вас определенная дневная норма?

— Да, за день работы, то есть за восемь-девять часов, пишу четыре страницы от руки, когда вещь написана — сам перечитываю, те же четыре страницы, нередко правлю, по четыре-пять раз одну и ту же строку, но чаще всего дважды, только после этого отдаю машинистке. В общем, выходит две страницы машинописного текста в день.

— Вначале вы сказали, что недавно написали довольно большую по вашим масштабам повесть. А может, все-таки и на роман после нее потянет?

— Нет и нет! Малой прозе уж я не изменю. Романы пусть другие пишут. Мое твердое и неизменное мнение — роман стоит писать, если уж никак не уложишься в рассказ или повесть. И должен он быть явлением, потрясением для читателя, как романы Гарсиа Маркеса, Т. Вульфа, Х. Кортасара, как потрясающий «Улисс» Джойса. Совершенно особый мир, масштаб, измерение, само дыхание... Все это необходимо крупному роману, я убежден. Ведь жизнь так коротка, зачем же даром отбирать у людей драгоценные дни?

Нет, рассказу я не изменю. Столько замыслов новых: думал, к примеру, не будет больше рассказов, подобных тем, которые собраны в книге «Царскосельское утро» — о людях творчества, о талантах и их судьбах; и вот написан рассказ о последней любви Гёте — выйдет в четвертом номере «Нового мира». Думал, все сказал о детстве, и написал «Школьный альбом». Уже сложился совсем новый по материалу рассказ, подсказанный недавней поездкой на север страны. Словом, хватит мне рассказов жанра до конца дней. Тем более что и новые поездки брезжат, и не стоит жизнь на месте, и роится вокруг новые сюжеты.

Прощаясь с Юрием Нагибиным, я думаю о том, что герои его рассказов и повестей где-то рядом с нами. Они справедливы, неравнодушны к чужой боли, они из числа тех, кто не замыкается в кругу мелочных дел, а живут заботами своей страны.

Беседу вел
Сергей МАРКОВ.